

ОЧЕРКИ, РАССКАЗЫ, ПОВЕСТИ

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

ПЕРВЫЕ ФРОНТОВЫЕ ОЧЕРКИ

Публикация Л. Р. Ланского

Предисловие В. В. Гура

Начало тягчайших для народа испытаний Великой Отечественной войны Шолохов встретил в родной станице Вешенской. В первые же дни войны, выступая на старой станичной площади перед ухודившими на фронт казаками, писатель говорил: «Фашистским правителям, основательно позабывшим историю, стоило бы вспомнить о том, что в прошлом русский народ не раз громил немецкие полчища, беспощадно пресекая их движение на восток, и что ключи от Берлина уже бывали в руках русских военачальников»¹.

23 июня Шолохов послал в Москву телеграмму, в которой просил принять в фонд обороны СССР присужденную ему за роман «Тихий Дон» Государственную премию первой степени и выражал готовность в любой момент «стать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину»².

Как полковой комиссар запаса, Шолохов в июле 1941 г. был призван в армию и вместе с другими советскими писателями направлен на фронт. Он был военным корреспондентом «Правды» и «Красной звезды», участвовал в боях под Смоленском на Западном фронте и под Ростовом на Южном фронте, делил с бойцами испытания суровых дней битвы на Волге, шел фронтовыми дорогами до самых границ Германии.

«Я работал тогда в „Красной звезде“ в качестве корреспондента, — вспоминает Шолохов. — Сперва, в 1941 году, был на Западном фронте, в Смоленской области, неподалеку от Смоленска — перед Вяземским окружением. Потом кочевал по фронтам, в зависимости от обстановки и от того, куда пошлют»³.

Увидев войну лицом к лицу еще в жаркие августовские дни 1941 г., побывав осенью в боях на Южном фронте, Шолохов в ноябре приехал в небольшой заволжский городок Николаевск, что против Камышина, где находилась в эвакуации его семья. Прибывшего с фронта писателя нарасхват приглашали в формировавшиеся воинские части, в казачьи полки, в школы.

В перерывах между поездками на фронт Шолохов обрабатывал свои фронтовые записи. Он много писал тогда для Совинформбюро. Здесь же, на Волге, вернувшись с фронта, он дописывал рассказ «Наука ненависти», делал заготовки для романа «Они сражались за Родину». Сюда же возвратился писатель в начале июля 1942 г. с Чрезвычайной сессии Верховного Совета СССР. Отсюда, получив отпуск по болезни, уезжал он в Вешенскую. Фронт в 1942 г. подходил к самой станице. Фашистам здесь не удалось форсировать Дон и занять Вешенскую, но они варварски бомбили ее, забрасывали минами. После одного из налетов в июле 1942 г. погибла мать писателя. Был разрушен дом Шолохова, погибла его библиотека, рукописи «Тихого Дона», второй

книги «Поднятой целины», над которой писатель работал перед войной. Личное горе писателя сливалось с бедствиями, которые несла война всему народу.

В эти особенно горестные дни семья писателя покинула гостеприимное Заволжье, выехала в Казахстан, а Шолохов вновь оказался на фронте, принял участие в жарких и трудных боях за Сталинград.

До сих пор, к сожалению, мы располагаем очень скудными материалами о фронтовой жизни писателя. Сам он очень скуп на рассказы о себе. И лишь изредка появляются в печати воспоминания людей, с которыми сталкивала его война.

«Под Сталинградом это было, — вспоминает шофер Василий Грязнов, — тяжелые бои шли с фашистами. Пришел он к нам к окопы. Идет по ходу сообщения и нет-нет выглянет, посмотрит в бинокль в сторону фашистов. А кто-то из солдат и говорит: „С биноклем, товарищ полковник, поосторожнее. У немцев снайперы начеку“. Шолохов улыбнулся в ответ: „Благодарю за упреждение, но я снайперов не боюсь. Заговоренный я, брат, от пули“. Ну, солдаты нашего окопа окружили его. Все сразу узнали в полковнике Шолохова. Я и говорю ему: „Может вы, Михаил Александрович, и молитву какую от пули знаете?“ „Знаю, — отвечает Шолохов. — И те молитвы, что имеются в „Тихом Доне“, и новые. Много знаю молитв. Но сейчас у меня на уме и в сердце одна. Начинается она, други мои, так: „Во имя отца и сына и матери моей — ни шагу назад!..“ Я и спросил Михаила Александровича, над чем работает, что он пишет. „Разве можно сидеть и писать, — ответил Шолохов, — когда земля наша, дом твой, мало этого — пол-России в огне пылают? Тут, брат, не за перо, а за штык браться надо, да крепко орудовать им“. Опять помолчал, затянулся дымком махорки и говорит: „А хочется хорошее написать, и думаю, что напишу“. „Что же? — спрашиваю я. — Что?“ „А то, — говорит, — как вы сражаетесь за Родину. Вот, хожу по окопам, присматриваюсь, учусь у вас, изучаю солдатскую жизнь, бывальщину. А потом напишу, обязательно напишу и про вас, и про молитву „Ни шагу назад“. Я попросил Шолохова: „Подарите нашему взводу томик „Тихого Дона“ для памяти и вдохновения“. Шолохов посмотрел на меня, оглянул всех нас быстрым взглядом светлых своих глаз и говорит: „Рад бы подарить, да нет у меня его сейчас под рукой. А солдаты вы хорошие, и хочется мне оставить вам что-нибудь на добрую память“. И тут вдруг достает он из своей сумки книгу. Раскрывает, а это третий том „Войны и мира“ Льва Толстого. Там как раз о нашествии Наполеона на Россию пишется. Это узнал я уж потом, в боях. Раскрыл Шолохов „Войну и мир“ и пишет красным карандашом: „Друзья мои! Ни шагу назад! Пусть слава Бородина вдохновит вас на ратные подвиги. Верю, реять Красному знамени над рейхстагом! До встречи в Берлине. Ваш Шолохов“. Вручил командиру взвода подарок этот, поцеловал его, пожал всем нам, солдатам, руки и пошел по окопам дальше. Как правофланговый, всякий раз новому пополнению, по приказу комбата, я зачитывал эти слова Шолохова и заучил их наизусть»⁴.

После долгого перерыва Шолохов в июне 1944 г. на короткое время прибыл в станицу Вешенскую⁵. Тут еще свежи были следы разрушений.

Война звала за собой ее участника и летописца. Шолохов еще побывал на Западном и 3 Белорусском фронтах, видел могучий прорыв советских войск в Восточную Пруссию, у Эйдкунена.

С сыновней гордостью за свой великий народ, за его армию, встретил писатель день Победы, в приход которого он так неколебимо верил, как верил в свой народ. «Если в мировой истории не было войны столь кровопролитной и разрушительной, как война 1941—1945 годов — писал Шолохов в статье „Победа, какой не знала история“, — то никогда никакая армия в мире, кроме родной Красной Армии, не одерживала побед более блистательных, и ни одна армия, кроме нашей армии-победительницы, не вставала перед изумленным взором человечества в таком сиянии славы, могущества и величия»⁶.

С первых же дней войны Шолохов писал статьи и очерки, зажигающие в сердцах советских людей ненависть к врагу. Он писал о неразрывном единстве фронта и тыла («На Дону»⁷, «В казачьих колхозах»⁸), рассказывал о трудной кровавой войне советских людей с фашистами, о неизбежном процессе разложения гитлеровской армии («На Смоленском направлении»⁹, «Гнусность»¹⁰, «Военнопленные»¹¹, «На юге»¹²).

М. А. ШОЛОХОВ В РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ
 Фотография А. Л. Лесса. Москва, декабрь 1943 г.
 Собрание А. Л. Лесса, Москва

В первую годовщину войны в «Правде» был напечатан проникнутый публицистической страстью, уверенностью в торжестве правого дела рассказ Шолохова «Наука ненависти»¹³, в основу которого положен действительный факт, поведенный писателю на фронте одним из участников войны, потомственным уральским рабочим. Крупным планом рисуя лейтенанта Герасимова, проходившего в суровых боях с врагом «науку ненависти», Шолохов раскрывал характер русского человека, оторванного войной от мирного труда, прослеживал процесс возмужания и закалки советского воина. Лейтенант перенес много страданий в плену, но чиста «добытая большими лишениями седина», не сломлена его жизненная сила. Он могуч и крепок, как и весь народ, питающийся живительными соками родной земли. Его не сломят самые тяжкие испытания и трудности. Народ с его священной ненавистью к врагам и сыновней любовью к матери-Родине — непобедим. Это и утверждал Шолохов в самые трагические дни великой народной битвы с фашизмом.

Обращаясь летом 1943 г. от имени своих сограждан с письмом к американскому народу, Шолохов призывал к борьбе с фашистами, предупреждал о возможных последствиях медлительности и колебаний союзников, напоминал о лишениях, о тяжести военного бремени, которые нес советский народ на своих плечах. «Предания древности, — писал Шолохов, — рассказывали нам о кровопролитных нашествиях гуннов, монголов и других диких племен. Все это бледнеет перед тем, что творят немецкие фашисты в войне с нами. Я видел своими глазами дочиста сожженные станицы, хутора моих земляков — героев моих книг, видел сирот, видел людей, лишенных крова и счастья, страшно изуродованные трупы, тысячи искалеченных жизней. Все это принесли в нашу страну гитлеровцы по приказу своего одержимого маньей крови вождя (...). Враги перед нами коварный, сильный и ненавидящий наш и ваш народы насмерть. Нельзя из этой войны выйти, не запачкав рук. Она требует пота и крови. Иначе она возьмет их

второе больше. Последствия колебаний могут быть непоправимы. Вы еще не видели крови ваших близких на пороге вашего дома. Я видел это, и потому я имею право говорить с вами так прямо»¹⁴.

Долгом русского писателя Шолохов считал необходимость честно смотреть правде в глаза, «идти по горячим следам своего народа в его гигантской борьбе против иноземного владычества и создать произведение искусства такого же исторического значения, как и сама борьба». «Я знаю,— говорил Шолохов,— создание такого крупного произведения потребует времени, и тяжелая артиллерия может прийти к огню, когда враг уже будет разбит, но я тороплюсь, работаю напряженно и много...»¹⁵

В романе «Они сражались за Родину», первые главы которого появились на страницах «Правды» в мае 1943 г., Шолохов показывал «тяжесть борьбы людей за свою свободу», «наш народ, источники его героизма». Драматически напряженно развертываемые события на фоне словно вымершей от зноя донской степи, писатель ведет в атмосферу фронтовых будней, кровопролитных боев летнего отступления на втором году великой битвы. Со страниц этой мужественной книги встает образ воюющего народа, силы которого в годину военных испытаний подвергались самой жестокой проверке.

Мужественная правда шолоховского романа особенно была дорога фронтовому читателю, тем, кто сражался за Родину. «Вашу книгу,— писал Шолохову капитан Н. И. Хондочий,— я ношу так же, как и мои товарищи, всегда с собой в сумке. Она нам помогает жить и сражаться»¹⁶. Фронтовики отмечали, что автор романа «Они сражались за Родину» «хорошо показал, как в суровой школе войны закаляется дух и воля солдата, как растет его военное мастерство»¹⁷. Такая оценка была писателю самой высокой наградой. «Вы доставили мне большую радость, прислав отзывы на отрывки из романа,— писал Шолохов в редакцию красноармейской газеты «Красный стрелок». — Для меня эти короткие отзывы дороже больших критических статей»¹⁸.

Публикуемые здесь впервые очерки Шолохова отражают в сущности первые фронтовые впечатления писателя. Они связаны с его поездкой на Западный фронт в августе-сентябре 1941 г. в качестве корреспондента «Красной звезды» Шолохов вместе с А. Фадеевым, Евг. Петровым и А. Карповым (ответственным секретарем газеты) побывал под Духовщиной в войсках 19 армии, которой командовал генерал-лейтенант И. С. Конев. Об этой фронтовой поездке трех писателей И. С. Конев рассказывает в своих воспоминаниях: «Наша встреча в эти очень тяжелые дни была, как я считаю, полезной и для меня, и для них. Для них она была полезна тем, что они увидели кусочек войны, а для меня тем, что я почувствовал: страна правильно понимает, как нелегко нам приходится, и вот лучшие ее писатели приходят к нам, солдатам, идут на передовую, в боевые порядки. Не скрою, в те дни это было для меня большой моральной поддержкой. Кроме всего прочего, это создавало уверенность, что передовая наша интеллигенция готова до конца разделить нашу участь и, веря в окончательную победу, выдержать тот страшный натиск немцев, который уже привел их на дальние подступы к Москве»¹⁹. Дальше автор воспоминаний высказывает сожаление, что из всех троих только Евгений Петров выполнил обещание «написать о своих встречах с воинами 19 армии». Публикуемые очерки Шолохова свидетельствуют, что и он сдержал тогда свое писательское слово.

До сих пор были известны лишь две корреспонденции Шолохова с Западного фронта, увидевшие свет в «Красной звезде» в августе — сентябре 1941 г. (см. о них выше). Публикуемые очерки относятся к тому же времени, отражая боевые действия, связанные с заключительным этапом Смоленского сражения, главным итогом которого был «провал попытки фашистского командования с ходу прорваться к Москве». Это было время, когда «войска Западного и Резервного фронтов нанесли контрудары на нескольких участках. Кровопролитные бои развернулись в районе ельнинского выступа, который противник стремился удержать любой ценой. В начале сентября ельнинская группировка врага была полностью разгромлена. 6 сентября над Ельней снова реял советский флаг. Крупное поражение потерпели немецко-фашистские войска и в районе Духовщины»²⁰. В своих первых фронтовых очерках Шолохов

передает атмосферу этих дней, когда советские войска в ходе наступательных операций приобретали боевой опыт, который сыграл решающую роль в разгоревшейся вскоре битве за Москву.

Шолохов считает, что работа газетного корреспондента в годы Отечественной войны давалась ему трудно: «По характеру не могу я скоро писать. Никакой я не газетчик. Нет хлесткой фразы, нет оперативности, что так необходимо для мобильной газетной работы»²¹. Шолохов, однако, слишком сурово оценивал свою деятельность как военного корреспондента. Во всяком случае, труд газетчика был необходимым звеном для накопления впечатлений и фактов, которое не замедлило сказаться в его работе над рассказом «Наука ненависти» и романом «Они сражались за Родину».

Очерки «По пути к фронту», «Первые встречи», «Люди Красной Армии» интересны во многих отношениях. В этих, еще в сущности беглых зарисовках появляются меткие детали и наблюдения, которые писатель позже развернет в законченные художественные образы. На мрачном фоне военного пожара он видит неправдоподобно, кощунственно красивый, чудом уцелевший подсолнечник, безмятежно слянувший золотистыми лепестками. Багряные листья, первые предвестники наступающей осени, кажутся ему кровавыми пятнами, краснеющими, как раны, на земле Родины, оскверненной захватчиками.

Шолохов описывает фронтовые будни, жизнь воюющей армии. Но особенно привлекают писателя ее люди. В генерале Козлове, поваре Недзельском, артиллеристе Наумове, разведчике Белове писатель с глубокой симпатией отмечает черты умного героического народа, скромно творящего великое дело. Эти уже тогда подмеченные качества писатель полнее раскрыл в героях романа «Они сражались за Родину», рассказов «Наука ненависти» и «Судьба человека».

* * *

Настоящие три очерка были написаны для зарубежной печати. Публикуются по оригиналам (машинопись с авторской правкой), сохранившимся в архиве Совинформбюро (ЦГАОР, ф. 8581, оп. 1, ед. хр. 4, лл. 339—344, 352—357, 366—371).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 «Большевистский Дон», Вешенская, 1941, № 76, 24 июня.
- 2 «Большевистский Дон», Вешенская, 1941, № 77, 26 июня.
- 3 И. Л е ж н е в. Путь Шолохова. Творческая биография. М., «Сов. писатель», 1958, стр. 383.
- 4 «Советский Казахстан», Алма-Ата, 1955, № 5, стр. 69—70.
- 5 «Большевистский Дон», 1944, № 51, 29 июля.
- 6 М. Ш о л о х о в. Собр. соч., т. 8. М., Гослитиздат, 1960, стр. 180.
- 7 «Правда», 1941, № 183, 4 июля.
- 8 «Красная звезда», 1941, № 178, 31 июля.
- 9 «Красная звезда», 1941, № 203, 29 августа.
- 10 «Красная звезда», 1941, № 210, 6 сентября.
- 11 «Правда», 1941, № 304, 2 ноября.
- 12 «Правда», 1942, № 59, 28 февраля.
- 13 «Правда», 1942, № 173, 22 июня; перепечатан в «Красной звезде», 1942, № 145, 23 июня.
- 14 М. Ш о л о х о в. Собр. соч., т. 8, стр. 174—175.
- 15 Там же, стр. 381.
- 16 Писатели в Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Гослитмузей, 1946, стр. 32.
- 17 «Литература и искусство», 1943, № 25, 19 июня.
- 18 «Красная звезда», 1944, № 114, 14 мая.
- 19 И. С. К о н е в, Маршал Советского Союза. Сорок пятый год. Страницы воспоминаний. — «Новый мир», 1965, № 6, стр. 44.
- 20 Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история. М., Военное изд-во МО СССР, 1965, стр. 77.
- 21 И. Л е ж н е в. Путь Шолохова. Творческая биография, стр. 383.

ПО ПУТИ К ФРОНТУ*

Вооруженные карандашами, записными книжками и ручными пулеметами, мы едем на автомобиле к линии фронта, обгоняя множество грузовых автомашин, везущих к передовым позициям боеприпасы, продовольствие, красноармейцев.

Все машины искусно замаскированы ветвями берез и елей, и когда смотришь с холма вниз на дорогу, создается впечатление, будто в сказочный поход с востока на запад движутся, переселяясь куда-то, кусты и деревья. В движении — целый лес!

С запада все слышнее доносятся громовые раскаты артиллерийской канонады. Близок фронт, но по-прежнему машут желтыми и красными флажками красноармейцы — регулировщики движения, так же стремительно движется поток грузовых автомашин, а по бокам дороги грохочут** гусеницами мощные трактора-тягачи.

Предупрежденные, что в любой момент можно ожидать нападения с воздуха, я и мои спутники по очереди ведем наблюдения, стоя на подножке автомобиля, но немецкие самолеты не появляются, и мы без помех продолжаем поездку.

Мне, жителю почти безлесных донских степей, чужда природа Смоленской области. Я с интересом слежу за разворачивающимися пейзажами. По сторонам дороги зеленой стеною стоят сосновые леса. От них веет прохладой и крепким смолистым запахом. Там, в лесной гущине, полутемно даже днем, и что-то зловещее есть в сумеречной тишине, и недоброй кажется мне эта земля, покрытая высокими папоротниками и полусгнившими пнями.

Изредка на поляне, поросшей молодыми березками и осинником, ослепительно вспыхнет под солнцем и промелькнет куст красной рябины, и снова с двух сторон обступают нас леса. А потом в просвете вдруг покажется холмистое поле, вытоптанное войсками рожь или овес, и где-нибудь на склоне черными пятнами выступают обуглившиеся развалины сожженной немцами деревни.

Мы сворачиваем на проселочную дорогу, едем по местности, где всего несколько дней назад были немцы. Сейчас они выбиты отсюда, но все вокруг еще носит следы недавних ожесточенных боев. Земля обезображена воронками от снарядов, мин, авиабомб. Воронок этих множество. Все чаще попадаются пока еще не прибранные трупы людей и лошадей. Сладковато-приторный трупный запах все чаще заставляет нас задерживать дыхание. Вот неподалеку от дороги лежит вздувшаяся гнедая кобылица, и рядом с мертвой матерью — мертвый крохотный жеребенок, успокоенно откинувший пушистую метелку хвоста. И такой трагически не нужной кажется эта маленькая жертва на большом поле войны...

На скате холма — немецкие групповые и одиночные окопы, блиндажи. Они взрыты нашими снарядами. Торчат из-под земли расщепленные бревна накатов, возле брустверов валяются патронные гильзы, пустые консервные банки, каски, бесформенные клочья серо-зеленых немецких мундиров, обломки разбитого оружия и причудливо изогнутые оборванные телефонные провода. Прямым попаданием снаряда уничтожен пулеметный расчет вместе с пулеметом. В дверях сарая неподалеку от окопов видно

* *Наверху рукой редактора проставлена дата: 17/IX 41. Эта дата обозначает время написания очерка, а поступления его в Совинформбюро.*

** *грохочут исправлено из проходят*

«НА ПЕПЕЛИЩЕ»

Акварель В. С. Климашина. Центральный фронт (Смоленское направление), лето 1942 г.
Собрание В. Ф. Климашиной, Москва

исковерканное противотанковое орудие. Страшная картина разрушения, причиненного шквалом огня советской артиллерии.

Село, за овладение которым несколько дней шли упорные бои, находится по ту сторону холма. Перед уходом немцы выжгли его дотла. Внизу через небольшую речушку красноармейцы-саперы возводят мост. Пахнет свежей сосновой стружкой, речным илом. Саперы работают без рубашек. Загорелые спины их лоснятся от пота и блестят на солнце так же, как и свежий тес мостового настила.

Осторожно переезжаем речку по уложенным в ряд бревнам. Грязь по сторонам взмешена гусеницами танков и тракторов. Въезжаем в то, что недавно называлось селом. По сторонам обгорелые развалины домов. Торчат одни печные задымленные трубы. Груды кирпича на месте, где недавно были жилища; обгорелая домашняя утварь, осколки разбитой посуды, детская кроватка с покоробившимися от огня металлическими прутьями.

На мрачном фоне пожарища неправдоподобно, кощунственно красиво выглядит единственный, чудом уцелевший подсолнечник, безмятежно сияющий золотистыми лепестками. Он стоит неподалеку от фундамента сгоревшего дома, среди вытопанной картофельной ботвы. Листья его слегка опалены пламенем пожара, ствол засыпан обломками кирпичей, но он живет! Он упорно живет среди всеобщего разрушения и смерти, и кажется, что подсолнечник, слегка покачивающийся от ветра, — единственное живое создание природы на этом кладбище.

Однако это не так: оставив машину, мы тихо идем по улице и вдруг видим на черной обгорелой стене желтую кошку. Она мирно умывается лапкой. Она ведет себя так, как будто вовсе не являлась свидетельницей

страшных событий, лишивших ее и крова, и хозяев. Но, завидев нас, она на секунду неподвижно замирает, а затем, сверкнув, как желтая молния, исчезает в развалинах.

Две одичавших курицы — две вдовы, оставшиеся без своего петуха и подружек, — не подпустили нас даже на сорок метров. Они мирно добывали себе корм, роясь на вытоптанном огороде, но как только увидели людей в одежде цвета хаки, — без крика метнулись в сторону и тотчас исчезли.

— Они по птичьей неопытности не разобрались в форме и приняли нас за немцев, — сказал один из моих спутников — участник недавних боев.

Он рассказал, что немцы в занятых деревнях устраивают настоящую охоту на домашних гусей, уток и кур. Коров и свиней режут в хлевах, а птицу, которую трудно изловить, стреляют из автоматов.

— Эти пеструшки, несомненно, побывали под огнем, им надо простить их чрезмерную осторожность, — улыбаясь, заключил он свой рассказ.

Удивительно трогательна привязанность у животных и птиц к обжитому месту. В этом же селе мне пришлось видеть разрушенную немецкими снарядами церковь и стайку голубей, сиротливо вившуюся над развалинами. Они жили, вероятно, на колокольне, но, лишившись приюта, все же не покинули родного места. Небольшая собачонка в одном из переулков поползла нам навстречу, униженно виляя хвостом. У нее не оказалось того, что называется собачьим достоинством, но мужество необходимое, чтобы одной приходиться из леса к родному пепелищу, — она сохранила. На окраине села, в коноплянике, мы всугнули стаю воробьев. Это были вовсе не те оживленные, хлопотливо чирикающие воробьи мирного времени, которых мы привыкли видеть прежде. Молчаливые и жалкие, они покружились над сожженным селом, затем вернулись и, нахохлившись, расселись на стеблях конопли.

Впрочем, у местных колхозниц эта тяга к родному месту, на котором прожита жизнь, столь же сильна. Мужчины ушли на фронт, женщины и дети с приходом немцев попрятались в окрестных лесах. Сейчас они вернулись в сожженные деревни и потерянно бродят по развалинам, роются на пожарищах, разыскивая хоть что-либо уцелевшее из домашнего скарба. На ночь они уходят в леса, красноармейцы резервных частей кормят их за счет ротных котлов, дают им хлеба, а днем они снова идут в деревни, как птицы выются у своих разрушенных гнезд.

В соседней, тоже выжженной, деревушке я видел несколько колхозниц и детей, помогавших матерям разыскивать на пожарищах уцелевшие вещи. Одна из женщин на мой вопрос, как теперь она думает жить, — ответила:

— Прогоните проклятых немцев подальше, а за нас не беспокойтесь, заново построимся, сельсовет поможет, кое-как проживем.

Серые от золы и пепла, измученные лица и воспаленные глаза детей и женщин надолго остались в моей памяти, и я невольно думал: «Какой же тупой, дьявольской ненавистью ко всему живому надо обладать, чтобы стирать с лица земли мирные города и деревни, без смысла, без цели подвергать все разрушению и огню».

Мы проехали еще одну деревню, и снова нас окружили леса, затем промелькнули поля с необраным хлебом, участок отцветшего льна с сохранившимися кое-где голубенькими цветочками, часовой-красноармеец возле дороги и предостерегающая надпись на столбике, торчащем из льна: «Поле минировано».

При отступлении немцы минировали дороги, обочины дорог, броненные автомашины, собственные окопы и даже трупы своих солдат.

Наши саперы заняты очисткой от мин взятой территории, всюду видны их согнутые, ищущие фигуры, а пока на минированных участках осторожно, впритирку, разъезжаются машины и повозки, и расставленные кругом часовые внимательно следят, чтобы никто не удалялся в опасных местах от дороги.

Все сильнее нарастает ревущая октава артиллерийского боя, и вот уже можно различить сладостный нашему слуху гром советских тяжелых батарей.

Вскоре мы находимся в расположении одной из частей нашего резерва. Совсем недавно эти люди были в бою, а сейчас около землянки вполголоса наигрывает гармошка, человек двадцать красноармейцев стоят, собравшись в круг, весело смеются, а посредине круга выхаживает молодой, коренастый красноармеец. Он лениво шевелит крутыми плечами, и на лопатках его зеленой гимнастерки отчетливо белеют соляные пятна засохшего пота. Задорно похлопывая по голенищам сапог большими ладонями, он говорит своему товарищу, высокому нескладному красноармейцу:

— Выходи, выходи, чего испугался? Ты Рязанской области, а я — Орловской. Вот и попробуем, кто кого перепляшет!

Но скоро короткие сумерки затемняют лес, и в лагере устанавливается тишина. Завтра с рассветом нам предстоит поездка в ведущую наступление часть командира Козлова*.

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ **

Для ночлега трем моим товарищам и мне отвели небольшую палатку, старательно замаскированную молодыми деревцами осины. Еловые ветви на земле, покрытые плащом, служили нам постелью. Укрывшись шинелями и тесно прижавшись друг к другу, чтобы было теплее, мы уснули.

В одиннадцать часов подо мною дрогнула земля, и сквозь сон я услышал тяжкий гул разрыва. Сбросив шинель, я привстал. В наступившей тишине было отчетливо слышно, как шумят под ветром сосны и дождевые капли барабанят о стены палатки. Тишина стояла недолго. Где-то далеко на западе раздался глухой выстрел, а затем сквозь шум дождя слышался низкий стонущий вой пролетающего над нами снаряда и тотчас же — грохочущий гул разрыва.

Мой сосед — молодой жизнерадостный лейтенант — посмотрел на светящийся циферблат часов, сонно сказал:

— Немцы бьют из тяжелых орудий. Это они обстреливают дорогу, по которой мы ехали сюда. Они каждую ночь ведут беспокоящий огонь. Советую вам не обращать внимания на разрывы и спать. К этому надо привыкнуть. Немцы — аккуратный народ: постреляют ровно пятнадцать минут и замолчат, а через час-полтора снова начнут развлекать нас.

Лейтенант вскоре уснул молодым, беспросыпным сном. Но мне, при всем старании, не удалось за эти пятнадцать минут обстрела привыкнуть к недалеким разрывам немецких снарядов. Уснул я в полночь, но зато так крепко, что больше уже не слышал, как немцы развлекали нас музыкой

* Под текстом автографическая подпись: М. Шолохов.

** Заглавие вписано рукой редактора вместо первоначального: Люди Красной Армии. Здесь же им проставлена дата передачи статьи переводчику: 22.9.41.

своих тяжелых орудий и как наши батареи отвечали им. Перед рассветом меня разбудил окончательно прозябший мой сосед слева. С него сползла шинель, и он, не просыпаясь, дрожал такой крупной собачьей дрожью, что мне показалось, будто кто-то трясет меня, пытаясь разбудить.

Мы вышли из палатки. Над лесом низко висел предутренний туман. Голые до пояса красноармейцы обтирались ледяной водой. Двое, успевшие совершить утренний туалет, боролись, чтобы согреться. Делали они это с таким усердием, что у одного уже выступил на лбу пот, а у другого лицо и шея были красны, как кумач.

Плотный красноармейский завтрак — горячий суп с мясом, консервы, чай — и мы прощаемся с гостеприимными хозяевами лагеря, и снова — в путь.

Батарея наших тяжелых орудий меняет огневые позиции. Быстроходные тягачи с грохотом провозят мимо нас внушительного вида длинноствольные орудия. Мы вынуждены свернуть в сторону, чтобы уступить дорогу этим страшилищам. Затем мы пропускаем две санитарные автомашины с ранеными красноармейцами и третью — грузовую с ранеными лошадьми. Я стою у края дороги, и прямо надо мной проплывают, покачиваясь, огороженный жердями борт автомашины, влажная от росы лошадиная шея и огромный, лиловый, слезящийся глаз раненой лошади. Это первые жертвы ночного боя.

Штаб части командира Козлова расположен неподалеку. В лесистой лощине мы оставляем свою машину, идем к штабу. Крутой подъем на холм, сплошь поросший вековыми соснами, и вот мы уже около территории штаба. В нескольких шагах от нас на тропинке неожиданно и бесшумно, как призрак, возникает фигура красноармейца. Невидимый раньше, он неслышно появился из-за куста. Но на этом призраке маскировочный халат, и вооружен он автоматической винтовкой. Держа ее наперевес, пытливо оглядывая нас, он спрашивает пропуск, и пока внимательно просматривает наши пропуска, куст тихо шевелится, и я вижу сквозь листву направленные в нашу сторону тусклые жала двух штыков.

Земля здесь изрыта щелями. Часто встречаются блиндажи, прикрытые ветвями. В лесу довольно много автомашин, но рассмотреть их можно только на близком расстоянии, так умело они замаскированы. Всюду видны саперы. Стучат топоры, повизгивают пилы, роятся новые убежища, пахнет в лесу сосновой хвоей и влажной глиной.

Возле штабной землянки нас встречает коренастый капитан. Он говорит, что генерал Козлов и начальник штаба сейчас заняты, и вежливо просит пройти в соседнюю командирскую землянку.

По широким ступеням спускаемся в узкий коридор, открываем дверь. Нет, это вовсе не землянка в обычном понимании этого слова. Просторная крестьянская изба, как бы по волшебству взята и перенесена глубоко под землю. Деревянные полы чисто вымыты, стены обшиты свежим тесом, потолки блестят безукоризненной чистотой. Над столом ярко светит электрическая лампочка. Для полной иллюзии не хватает только русской печи, но ее с успехом заменяет чугунная печь. В большой комнате тепло, сухо, пахнет смолистым духом сосны и, кажется, свежеспеченным хлебом. Мы с удовольствием оглядываем это подземное жилище. Капитан, улыбаясь, говорит:

— Наш генерал — хозяйственный человек. Неподалеку отсюда есть брошенная жителями деревня. Немцы ежедневно ее обстреливают и наполовину уже выжгли. Генерал и приказал саперам перевезти избы сюда, чтобы даром не пропали. В два дня перевезли и построили.

В землянку входит начальник артиллерии полковник Гросицкий, —

подвижной, веселый человек. Он любезно знакомит нас с обстановкой на этом участке фронта, говорит:

— Тесним немцев крепко. Сегодня в двенадцать часов дня начнем артподготовку и наступление. Высота, которую вы видели по дороге к нам, раньше называлась Кудрявой, теперь ее зовут Лысой. Была она раньше покрыта лесом, а теперь от нашего артиллерийского огня действительно облысела. О силе этого огня можете судить хотя бы по тому, что немцы сейчас сбрасывают листовки следующего содержания: «Советский пехотинец, сдавайся; артиллерист, не попадайся!» Но мы и не попадаемся, а стараемся почаще в них попадать. И это нам удается. Наблюдателей выбрасываем на передний край, к пехоте, и те корректируют наш огонь. Отлично получается! Летят в воздух немецкие пушки, минометы, блиндажи. Раньше немцы в блиндажах делали накатыв в три бревна, а сейчас лезут глубже в землю, накатывают в шесть-семь бревен, однако это им плохо помогает: выкапываем их снарядами и оттуда!

Бой, начавшийся с утра ленивой перестрелкой, сейчас разгорается. Полковник прислушивается к участвовавшим разрывам немецких мин, подходит к телефону. Короткий вполголоса разговор, затем в действие вступает молчащая неподалеку батарея, и минометный огонь противника заметно слабеет.

О немецкой артиллерии полковник неважного мнения. Он говорит:

— Плохо стреляют, бессистемно. Если нет над полем боя самолета-корректировщика — ничего у них не получается. Слышите разрывы слева? Это они обстреливают тот участок, на котором вчера вечером была наша батарея. Батарея переместилась на новые позиции еще ночью, а они ведут огонь по пустому месту и будут его вести еще долго, а потом наверное сообщат в штаб: «Советская гаубичная батарея уничтожена огнем наших орудий».

Вскоре приходит генерал Козлов. Пожилой, с седыми висками, неторопливый в движениях генерал — участник пяти войн. Он здоровается с нами, устало садится на скамью и, положив большие, мясистые руки на разостланную на столе карту, говорит:

— Чаем вас угощали? Нет? Как же это так! Подайте нам чаю да поживее!

Крестьянин в прошлом, генерал с восемнадцати лет находится на военной службе. У него простое русское лицо, слегка приподнятый нос и насмешливо-умные голубые глаза.

— Немецкая пехота стала значительно хуже по сравнению с 1914 годом, — неторопливо говорит он. — За танками идут, а как только нет танков, переходят к обороне, с места не тронутся. Штыковой атаки не принимают, боятся, финны лучше дрались. Неврастениками стали немецкие солдаты. По письмам к родным, по дневникам видно, да и с пленными говоришь — противно становится. Плачут, дрожат, пресмыкаются. Не те солдаты, что были в прошлую войну, далеко не те!

Генерал рассказывает несколько интересных эпизодов, а потом повар Анатолий Недзельский приносит чай.

— Ты бы гостей вареньем угостил, — говорит генерал.

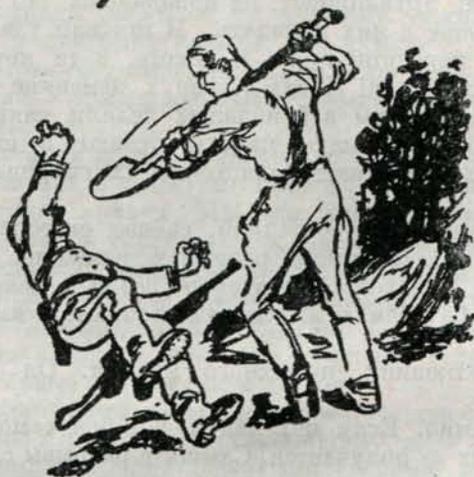
Высокий бравый повар в лихо сдвинутом белом колпаке молниеносно доставляет банку варенья.

— Собственного изделия, сами варили, — угощая нас, с гордостью говорит повар. — В лесу много брусники, в свободное время нарвали, вот и варенье, и кисель у нас всегда свежие.

Повар под стать своему генералу оказался хозяйственным парнем, а варенье его — превосходным по вкусу. Но из разговоров мы узнали и

ИЗ ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ
МИХАИЛ ШОЛОХОВ

Наука ненависти

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1942

«НАУКА НЕНАВИСТИ»

Одно из первых изданий рассказа

М. А. Шолохова

М., изд-во «Правда», 1942

Обложка

о других качествах повара Недзельского. Генерал вместе с группой командиров недавно был на передовых позициях. Пришло время обеда, и Недзельский решил отвезти горячую пищу на позиции. Он запряг лошадь в двуколку и отправился в путь. По дороге лошадь была убита немецкой миной. Но это не остановило лихого повара. Он налил суп в ведро и в термос и под сильным огнем противника ползком доставил пищу проголодавшимся командирам и своему генералу. Такова боевая дружба полководца и повара.

В горячие дни повар участвует в боях. Его случайный помощник из штабных писарей следит за тем, чтобы котлеты не подгорели, а повар с винтовкой и гранатами спешит в окопы. Качество командирской пищи в такие дни бывает значительно ниже, чем обычно, но патриотические порывы повара тоже надо уважать. И их уважают. Однажды повар, рискуя жизнью, вынес с поля сражения раненого лейтенанта. И это, видимо, не будет его последним подвигом. Так раздвоенно он и живет — повар и боец Анатолий Недзельский: навоевавшись, бежит к себе на кухню и ужасом видит, что суп выкипел, а битки стали чернее антрацита, но, с вероятностью, бывает и иначе: готовя борщ, вдруг слышит он сквозь грохот разрывов могучее, раскатистое, русское «ура» и в ярости от того, что не может участвовать в атаке, всеми помыслами находясь там, на поле боя, сыплет он рассеянной рукой в котел сахар вместо соли и миндаль вместо перца. Так, по крайней мере, мне кажется. Но это, в конце концов, личное дело генерала и повара, и вмешиваться в него не стоит.

ЛЮДИ КРАСНОЙ АРМИИ

Генерал Козлов прощается с нами и уезжает в одну из частей, чтобы на поле боя следить за ходом наступления. Мы желаем ему успеха, но и без нашего пожелания кажется совершенно очевидным, что военная удача не повернется спиной к этому генералу-крестьянину, осмотрительному и опытному, по-крестьянски хитрому и по-солдатски упорному в достижении намеченной цели.

Выхожу из землянки. До начала нашей артподготовки остается пятнадцать минут. Меня знакомят с младшим лейтенантом Наумовым, только что прибывшим с передовых позиций. Ему пришлось ползти с полкилометра под неприятельским огнем. На рукавах его гимнастерки, на груди, на коленях видны ярко-зеленые пятна раздавленной травы, но пыль он успел стряхнуть и сейчас стоит передо мной, улыбающийся и спокойный, по-военному подобранный и ловкий. Ему двадцать семь лет. Два года назад он был учителем средней школы. В боях с первого дня войны. У него круглое лицо, покрытые золотистым юношеским пушком щеки, серые добрые глаза и выгоревшие на солнце белесые брови. С губ его все время не сходит застенчивая, милая улыбка. Я ловлю себя на мысли о том, что этого скромного, молодого учителя наверное очень любили школьники и что теперь, должно быть, так же любят красноармейцы, которым он старательно объясняет военные задачи, видимо так же старательно, как два года назад объяснял ученикам задачи арифметические. С удивлением я замечаю, что в коротко остриженных белокурых волосах молодого лейтенанта, там, где не покрывает их каска, щедро поблескивает

ИЗ ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ

М. ШОЛОХОВ

«ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ»

Одно из первых изданий глав романа
М. А. Шолохова. М., изд-во «Правда»,
1944

Обложка

Издательство «Правда»

1944

седина. Спрашиваю, не война ли наградила его преждевременной седinou? Он улыбается и говорит, что в армию пришел уже поседевшим, и теперь никакие переживания уже не смогут изменить цвета его волос.

Мы садимся на насыпь блиндажа. Разговор у нас не клеится. Мой собеседник скупно говорит о себе и оживает только тогда, когда разговор касается его товарищей. С восхищением говорит он о своем недавно погибшем друге лейтенанте Анашкине. Время от времени он прерывает речь, прислушиваясь к выстрелам наших орудий и к разрывам немецких снарядов, лежащих где-то в стороне и сзади территории штаба. Прошу его рассказать что-либо о себе. Он морщится, неохотно говорит:

— Собственно про себя мне рассказывать нечего. Наша противотанковая батарея действует хорошо. Много мы покалечили немецких танков. Я делаю то, что все делают, а вот Анашкин — это действительно был парень! Под деревней Лучки ночью пошли мы в наступление. С рассветом обнаружили против себя пять немецких танков. Четыре бегают по полю, пятый стоит без горючего. Начали огонь. Подбили все пять танков. Немцы ведут сильный минометный огонь. Подавить их огневые точки не удастся. Пехота наша залегла. Тогда Анашкин и разведчик Шкалев ползком незамеченные добрались до одного немецкого танка, влезли в него. Осмотрелся Анашкин — видит немецкую минометную батарею. 76-миллиметровое орудие на танке в исправности, снарядов достаточно. Повернул он немецкую пушку против немцев и расстрелял минометную батарею, а потом начал расстреливать немецкую пехоту. Погиб Анашкин вместе с орудийным расчетом [когда перекачивали пушку]*, меняя огневую позицию.

Серые глаза моего собеседника потемнели, слегка дрогнули губы. И еще раз во время разговора заметил я волнение на его лице: неосторожно спросив о том, как часто получает он письма от своей семьи, я снова увидел потемневшие глаза и дрогнувшие губы.

— За последние три недели я послал жене шесть писем. Ответа не получил, — сказал он и, смущенно улыбувшись, попросил: — Не сможете ли вы, когда вернетесь в Москву, сообщить жене, что у меня здесь все в порядке и чтобы она написала мне по новому адресу? Наша часть сейчас переменила номер почтового ящика, может быть, потому я и не получаю писем.

Я с удовольствием согласился выполнить это поручение. Вскоре наш разговор был прерван начавшейся артподготовкой. Грохот наших батарей сотрясал землю. Отдельные выстрелы и залпы слились в сплошной гул. Немцы усилили ответный огонь, и разрывы тяжелых снарядов стали заметно приближаться. Мы сошли в блиндаж, а когда через несколько минут снова вышли на поверхность, — я увидел, что саперы, строившие укрытие, не прекращали работы. Один из них, пожилой, с торчащими, как у кота, рыжими усами, деловито осматривал огромную сваленную сосну, постукивая по стволу топором, остальные дружно работали кирками и лопатами, и на глазах рос огромный холм ярко-желтой глины.

— Не хотите ли поговорить с одним из наших лучших разведчиков? Он только сегодня утром пришел из немецкого тыла, принес важные сведения. Вот он лежит под сосной, — обратился ко мне один из командиров, кивком головы указывая на лежавшего неподалеку красноармейца. Я охотно изъявил согласие, и командир сквозь гул артиллерийской канонады громко крикнул:

— Товарищ Белов!

* Текст в квадратных скобках зачеркнут красным карандашом.

Быстрым, неуловимо мягким движением разведчик встал на ноги, пошел к нам, на ходу оправляя гимнастерку.

Внезапно наступила тишина. Командир посмотрел на часы, вздохнул и сказал:

— Теперь наши пошли в атаку.

Было что-то звериное в движениях, в скользкой походке разведчика Белова. Я обратил внимание на то, что под ногой его не хрустнул ни один сучок, а шел он по земле, захлавленной сосновыми ветками и сучьями, но шел так бесшумно, будто ступал по песку. И только потом, когда я узнал, что он — уроженец одной из деревень близ Мурома, истари славящегося дремучими лесами, мне стала понятна его сноровистость в ходьбе по лесу и мягкая поступь охотника-зверовика.

В разговоре с разведчиком повторилось то же, что и с младшим лейтенантом Наумовым: разведчик неохотно говорил о себе, зато с восторгом рассказывал о своих боевых товарищах. Воистину, скромность — неотъемлемое качество всех героев, бесстрашно сражающихся за свою родину.

Разведчик внимательно рассматривает меня коричневыми острыми глазами, улыбаясь говорит:

— Первый раз вижу живого писателя. Читал ваши книги, видел портреты разных писателей, а вот живого писателя вижу впервые.

Я с не меньшим интересом смотрю на человека, шестнадцать раз ходившего в тыл к немцам, ежедневно рискующего жизнью, безусловно смелого и находчивого. Представителя этой военной профессии я тоже встречаю впервые.

Он сутуловат и длиннорук. Улыбается редко, но как-то по-детски — всем лицом, и тогда становятся видны его редкие белые зубы. Шоколадные глаза его часто щурятся.словно ночная птица, он боится дневного света, прикрывая глаза густыми ресницами. Ночью он, наверное, видит превосходно. Внимание мое привлекают его ладони: они сплошь покрыты свежими и зарубцевавшимися ссадинами. Догадываюсь, — это оттого, что ему много приходится ползать по земле. Рубашка и брюки разведчика грязны, покрыты пятнами, но эта естественная камуфляция столь хороша, что, ляж разведчик в блеклой осенней траве, и его не разглядишь в пяти шагах от себя. Он неторопливо рассказывает, время от времени перекусывая крепкими зубами сорванный стебелек травы.

— Вначале был я пулеметчиком. Взвод наш отрезали немцы. Куда ни сунемся — всюду они. Мой друг-пулеметчик вызвался в разведку. Я пошел с ним. Подползли к шоссе, залегли у моста. Долго лежали. Немецкие грузовые машины идут. Мы их считаем, записываем, что они везут. Потом подошла легковая машина и стала около моста. Немецкий офицер вышел из нее, высокий такой, в фуражке. Включился в полевой телефон, лег под машину, что-то говорит. Два солдата стоят около него. Шофер сидит за рулем. Мой товарищ — лихой парень — подмигнули мне и достал гранату. Я тоже достал гранату. Приподнялись и метнули две сразу. Всех четырех немцев уничтожили, машину испортили. Бросились мы к убитым, сорвали с офицера полевую сумку, карту взяли с какими-то отметками, часть оружия успели взять, и тут, слышим, трещит мотоцикл. Мы снова залегли в канаве. Как только мотоциклист сбавил ход возле разбитой машины, мы кинули вторую гранату. Мотоциклиста убило, а мотоцикл перевернулся два раза и заглох. Подбежал я, смотрю, мотоцикл-то целехонький. Мой дружок — очень геройский парень, а на мотоцикле ездить не умеет. Я тоже не умею, а бросать его жалко. Взяли мы его за руль и повели. Разведчик улыбается, говорит:

— Руки он мне, проклятый, оттянул, пока я его по лесу вел, а все же довели мы его до своих. На другой день прорвались из окружения и мотоцикл прикатили. Теперь на нем наш связист скачет, аж пыль идет! Вот

М. А. ШОЛОХОВ СРЕДИ БОЙЦОВ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ЧАСТИ

Фотография Г. Г. Петрусова, 1943

Литературный музей, Москва

с этого дня мне и понравилось ходить в разведку. Попросил я командира роты, он и отчислил меня в разведчики. Много раз я к немцам в гости ходил. Где идешь, где на брюхе ползешь, а иной раз лежишь несколько часов и шевельнуться нельзя. Такое наше занятие. Все больше ночью ходим, ищем, вынюхиваем, где у немцев склады боеприпасов, радиостанции, аэродромы и прочее хозяйство.

Прошу его рассказать о последнем визите к немцам. Он говорит:

— Ничего, товарищ писатель, нет интересного. Пошли мы позавчера ночью целым взводом. Проползли через немецкие окопы. Одного немца тихо прикололи, чтобы он шуму не наделал. Потом долго шли лесом. Приказ нам был рвануть один мост, построенный недавно немцами. Это километров сорок в тылу у них. Ну, еще кое-что надо было узнать. Отошли за ночь восемнадцать километров, меня взводный послал обратно с пакетом. Шел я лесной тропинкой, вдруг вижу свежий конский след. Нагнулся, вижу, — подковы не наши, немецкие. Потом людские следы пошли. Четверо шли за лошадей. Один хромой на правую ногу. Проходили недавно. Догнал я их, долго шел сзади, а потом обошел стороной неподалеку и направился своим путем. Мог бы я их пострелять всех, но мне с ними в драку ввязываться нельзя было. У меня пакет на руках, и рисковать этим пакетом я не имел права. Дождался ночи возле немецких окопов и к утру переполз на свою сторону. Вот и всё.

Некоторое время он молчит, щурит глаза и задумчиво вертит в руках сухую травинку, а потом, словно отвечая на собственные мысли, говорит:

— Я так думаю, товарищ писатель, что побьем мы немцев. Трудно наш народ рассердить, и пока он еще не рассердился по-настоящему, а вот

М. А. ШОЛОХОВ СРЕДИ ТАНКИСТОВ

Фотография Г. Г. Петрусова, 1943

Литературный музей, Москва

как только рассердится, как полагается, худо будет немцам. Задавим мы их!

По пути к машине мы догоняем раненого красноармейца. Он тихо бредет к санитарной автомашине, изредка покачивается, как пьяный. Голова его забинтована, но сквозь бинт густо проступила кровь. Отвороты и полы шинели, даже сапоги его в потеках засохшей крови. Руки в крови по локти, и лицо белеет той известковой, прозрачной белизной, какая приходит к человеку, потерявшему много крови.

Предлагаем ему помочь дойти до машины, но он отклоняет нашу помощь, говорит, что дойдет сам. Спрашиваем, когда он ранен. Отвечает, что час назад. Голова его забинтована по самые глазницы, и он, отвечая, высоко поднимает голову, чтобы рассмотреть того, кто с ним говорит.

— Осколком мины ранило. Каска спасла, а то бы голову на черепки побило. — тихо говорит он и даже пробует улыбнуться обескровленными синеватыми губами. — Каску осколок пробил, схватился я руками за голову — кровь густо пошла. — Он внимательно рассматривает свои руки, еще тише говорит: — Винтовку, патроны и две гранаты отдал товарищу, кое-как дополз до перевязочного пункта. — И вдруг его голос крепнет, становится громче. Повернувшись на запад, откуда доносятся взрывы мин и трескотня пулеметов, он твердо говорит: — Я еще вернусь туда. Вот подлетат меня, и я вернусь в свою часть. Я с немцами еще посчитаюсь!

Голова его высоко поднята, глаза блестят из-под повязки, и простые слова звучат торжественно, как клятва.

Мы идем по лесу. На земле лежат багряные листья — первые признаки наступающей осени. Они похожи на кровавые пятна, эти листья, и кра-

снеют, как раны на земле моей Родины, оскверненной немецкими захватчиками.

Один из товарищей вполголоса говорит:

— Какие люди есть в Красной Армии! Вот недавно погиб смертью героя майор Войцеховский. Неподалеку отсюда, находясь на чердаке одного здания, он корректировал огонь нашей артиллерии. Шестнадцать немецких танков ворвались в село и остановились вблизи здания, где находился майор Войцеховский. Не колеблясь, он передал по телефону артиллеристам: «Немедленно огонь по мне! Здесь немецкие танки». Он настоял на этом. Все шестнадцать танков были уничтожены, угроза прорыва нашей обороны была предотвращена, погиб и Войцеховский.

Дальше идем молча. Каждый из нас думает о своем, но все мы покидаем этот лес с одной твердой верой: какие бы тяжкие испытания ни пришлось перенести нашей Родине,— она непобедима. Непобедима потому, что на защиту ее встали миллионы простых, скромных и мужественных сынов, не щадящих в борьбе с коричневым врагом ни крови, ни самой жизни *.

---

* Под текстом автографическая подпись: М. Шолохов.